

ТЕАТР В ОДНОЙ КОРОБКЕ

О РОЖДЕСТВЕНСКИХ ВЕРТЕПАХ

СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

— Итальянский рождественский вертеп, середина XVIII века

здесь традиция, по сравнению с которой и рождественский венок со свечками, и даже сама елка всего лишь нововведения

Так бывает, что праздник, казалось бы, решительно общечеловеческий (или хоть общехристианский, ладно уж) упорно ассоциируется с одной какой-нибудь страной. Про Рождество, например, я бы рискнул сказать, что оно немецкое. В конце концов, это в германском лесу родилась елочка и там она росла, прежде чем стать универсальным рождественским атрибутом на весь крещеный мир — но елка одна не приходит.

Что-то про «O Tannenbaum, o Tannenbaum» мы еще с детства слышали: что-то у братьев Гримм вычитали, что-то подглядели в сюжетах передачи «Международная панорама», со сдержанным негодованием показывающих лицемерные святочные обычаи буржуазных стран — там ведь центральноевропейское Рождество фигурировало как-то чаще, чем какое-нибудь сицилийское; ну а разнокалиберные Щелкунчики (вот, кстати, еще одна ого-го какая национально окрашенная ассоциация) из социалистических Дрездена и Лейпцига — они были даже и не совсем буржуазной экзотикой, а почти своей вроде «Рижского бальзама».

Наглядевшись на предрождественское торговое беснование в немецкоязычных краях, с одной стороны, понимаешь, что корреспонденты Центрального телевидения не то чтобы совсем напропалую ввалили насчет лицемерия и чистогана. С другой стороны, как ни плюйся, есть что-то честное и достопопеченное — то, чего никогда, верно, не будет в московских «масленичных гуляниях» и прочих попытках гальванизировать вытравленное советской властью старое календарно-обрядовое сознание — даже и в этих бесконечных рождественских ярмарках, благоухающих глинтвейном и пряниками на все федеральные земли. Особенно если это не на потеху туристам, а скорее для местных, для себя самих и не в мегаполисах, а в каких-нибудь там Пассау

или Бамберге. Пускай и продается всюду одна и та же извечная милая дребедень, у которой, кажется, и смысла-то никакого практического нет, кроме как с праздничным видом лежать на этих лотках. Ну, может, купит кто мед или свечку, но что такого уникально рождественского в продуктах пчеловодства, если разбираться?

Зато есть вертепы — всех размеров, всех пошибов, деревянные, картонажные, соломенные, фарфоровые и пластиковые, миниатюрные и в локоть, фольклорно-деревенские и минималистские, изысканные и китчевые, с ангелочками и без. И когда это предстает вот так, сувенирно-базарной россыпью, даже не в раз почувствуешь, что здесь традиция, которая старше, чем многие из этих городов и городков, по сравнению с которой и рождественский венок со свечками, и даже самая елка всего лишь нововведения.

Пытаться представить события Рождества не в иконописной плоскости, а в объеме, в пространстве и в лицах начали примерно тысячу лет назад, когда Рим и Константинополь даже не успели еще окончательно разругаться. На Востоке в богослужебных песнопениях к этому времени уже давным-давно громоздились изысканные метафоры, цветистая риторика и вполне яркая образность, так что прибавлять что-либо к этой сложной красоте никому не приходило в голову. На Западе, напротив, литургические тексты были по сравнению с греческой поэзией суровы и лапидарны. Видимо, в этих рамках было тесно — достаточно тесно, чтобы появилась эта странная тяга хотя бы ради центральных дней церковного года немножко усложнить обряд, немножко дополнить корпус звучащего текста, чтобы переживание празднуемого момента сделалось наглядным. Началось все с Пасхи, потом перешли и к Рождеству. Они, строго говоря, не были похожи на театр, эти «литур-